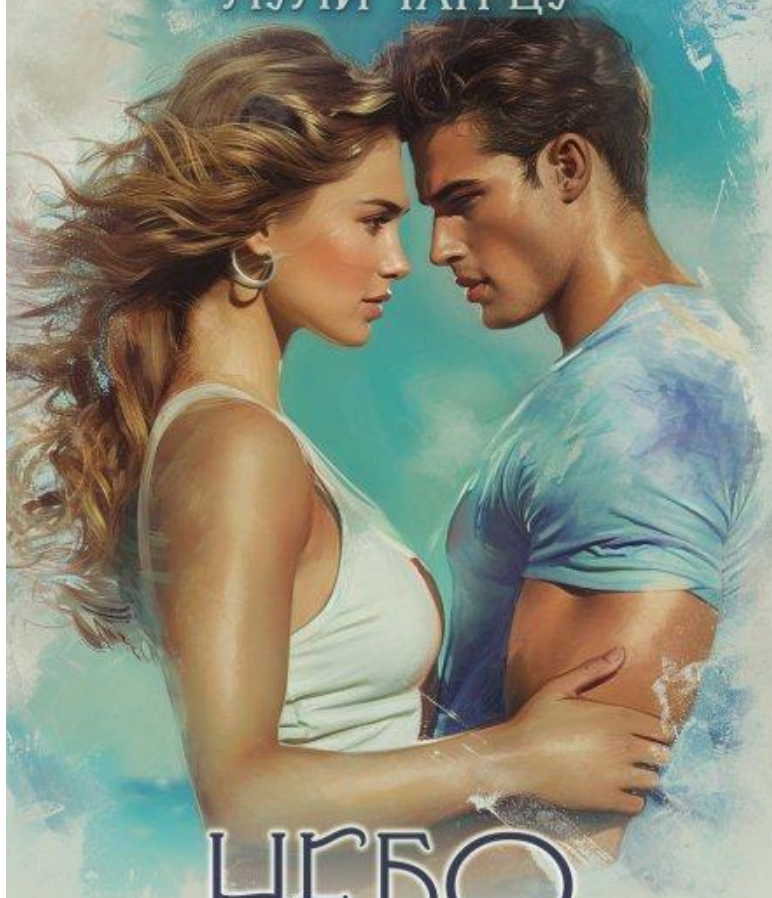

ЛУЛИ ТАН ЦУ

НЕБО
ВЫБРАЛО НАС

Лули Тан

Небо выбрало нас

<https://litres.ru/74227232>

Аннотация

Майя учится на пилота. Когда ее едва не сбивает истребитель, за штурвалом которого лучший пилот страны, она еще не знает, что избежала катастрофы в воздухе, но не избежит ее в своем сердце.

Шестов поворачивается и наши взгляды с ним пересекаются. И впервые в жизни я вижу, чтобы на меня смотрели с таким пренебрежением.

Я знала, что выгляжу великолепно, никогда никаких сомнений у меня в своей внешности не было, да что там говорить, я прекрасно осведомлена, что мужчины не способны отвести от меня взгляда. Но этот Шестов только скривил губы, будто жабу какую-то увидел и прежде, чем выйти из командного пункта презрительно бросил: – Вот это я что ли чуть не угробил. Так не велика потеря для авиации была бы.

Щеки и уши вспыхнули. «Да с какого перепуга такое отношение? Что он знает обо мне? Что за презрение?!», – несется в голове.

Меня буквально всю трясет. Только этой фразой и уничижительным взглядом он обесценил во мне все, чем

я на самом деле гордилась. Да, я считала себя не просто привлекательной, а сверх привлекательной, да я считала себя достойным пилотом. Еще мгновение назад пресловутые бабочки в животе, готовые уже вылупиться из куколок от одного только вида Шестова, дружно подошли засохли и рассыпались в прах.

Он вышел намеренно слегка задев меня плечом, будто подчеркивая свое передо мной превосходство.

История о настоящей любви, полная романтики, неба, сложных чувств и препятствий, через которые предстоит пройти героям.

✓# ХЭ обязательно ✓# Сложные взаимоотношения ✓#
Героиня впервые влюбляется ✓# Очень эмоционально ✓#
Развитие характеров

Иллюстратор - Vegastar Design

Содержание

Глава 1. С небес на землю	5
Глава 2. Воздух	15
Глава 3. Кто кого?	26
Глава 4. Птица другого полета	36
Глава 5. С небом не спорят	45
Глава 6. Танец огня и железа	54
Глава 7. Необычная экскурсия	63
Глава 8. Неизбывная вина	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1. С небес на землю

*Не всем, кто толкует про небо, суждено туда по-
пасть.*

Уильям Фолкнер

Полет. Небо. Каждый раз, когда поднимаюсь в небо я перестаю быть тем, кто я есть на земле. Все остается там – внизу: земные тревоги, земные проблемы, обиды и надежды – даже радости земные кажутся незначительными на фоне этого огромного синего неба.

Есть только я, моя стальная послушная птица и колыбель бесконечного неба с пушистыми подушками облаков.

– Штурвал на себя, – говорит инструктор, – затем вправо, возвращаешь в нейтральное положение и снова на себя, когда закончится вращение, чтобы поднять нос.

На самом деле мне не нужно объяснять, как делать «бочку», но инструктор обязан все это проговорить.

Тяну штурвал на себя, дальше все по алгоритму. Земля оказывается сбоку, затем надо мной и снова возвращается на место.

– Молодец, Майя, – подбадривает инструктор.

Моя птичка слушается беспрекословно. Я с ней сейчас одно целое. Но мне немного не хватает самостоятельности. Хочется остаться в кабине одной. И хочется сменить мой старенький учебный Як-52 на что-нибудь посовременнее, по-

шустрее и побольше. Было бы неплохо оказаться за штурвалом настоящего истребителя, но это только мечты.

Начинаю набирать высоту и в этот момент, словно кто-то услышал эти мои мысли, мимо проносится король неба собственной персоной – Су-57. Как раз в тот момент, когда ровняется со мной, истребитель проходит звуковой барьер, ударной волной мой легкий Як опрокидывает и самолет начинает сваливаться.

– Полный газ! – кричит инструктор, – выравнивай!

Я как замороженная смотрю на взмывающий ввысь боевой истребитель пятого поколения, заходящий на петлю Нестерова или в простонародии – мертвую петлю.

Инструктор берет дело под свой контроль и вот мы уже летим в сторону аэродрома.

– Откуда этот придурок здесь взялся?! – орет инструктор.

У меня такое ощущение, что он перепугался больше моего. Так оно, наверняка и было. Я, скорее всего, в этот момент и не успела осознать, что на самом деле нам грозило, замороженная красотой полета истребителя, но инструктор знал точно, да еще и ответственность за меня и самолет. В общем, злости его сейчас хватило бы пролететь на ней еще несколько километров, если бы внезапно закончилось топливо.

Я зашла на посадку. Шасси коснулось полосы, нас немного потрянуло и в другой раз я бы за это могла получить нагоняй, но сейчас его больше заботил пилот истребителя и какие он устроит ему кары через его же начальство.

Я вылезла из кабины и уставилась в небо. Мне снова хотелось увидеть в деле шедевр авиаконструкторской мысли, который нас только что чуть не угробил. И он не обманул моих ожиданий. Су-57 заходил на посадку.

Рев двигателей, воплощенная в материю первобытная сила и мощь. Я не могу отвести глаз и не слушаю, что говорит инструктор.

– Ты идешь? – он тянет меня за локоть.

– Куда?

– К руководителю полетов, ты вообще, что ли не понимаешь, что произошло?

– Ну, не произошло же.

– М-да, выдержка у тебя, конечно, но разобраться нужно.

Я иду вслед за ним, не отводя глаз от истребителя, вырывающегося по полосе и заходящего в ангар.

Мы поднялись на вышку командно-диспетчерского пункта. Здесь уже стоял шум до потолка – натурально переполох.

– Отстранить этого идиота от полетов! – кричал генерал, как я поняла по погонам, на полковника. – Не первый раз уже этот ваш, как его?

– Файтер, – подсказывает полковник.

– Что это? Имя? Фамилия? Какой еще Файтер?

– Это позывной.

– Фамилия и звание у него есть? Файтер этот, мать его, чуть не угробил гражданских и самолет за два с лишним миллиарда!

– Получит выговор.

– Я сказал устранить от полетов!

– Нельзя его устранять, товарищ генерал, – полковник чуть вжал голову в плечи, уже предчувствуя, что сейчас начнется.

– Это почему еще? – генерал побагровел, словно забытый на плите чайник, из которого уже выкипела вся вода.

– Гений он, товарищ генерал, такие летчики раз в сто лет рождаются. Идиот, я согласен. Но это по молодости.

– Так гений или идиот? И что значит по молодости? В каком он звании?

– Лейтенант, – отвечает полковник.

– И уже на Су-57? Как он вообще оказался за штурвалом такой машины, если к ней подпускают только в звании не меньше полковника? Давай сюда этого твоего гения-идиота. Бардак какой-то!

Только сейчас генерал заметил, что кроме него и полковника здесь есть еще люди. Он метнул в нас взгляд тяжелый как бетонная свая.

Я успела пожалеть, что не заяц и не могу прижать уши.

– Вам чего? – рявкнул генерал, но тут же взял в себя в руки, заметив, что я в летном комбинезоне и со шлемом под мышкой.

– Извините, зарапортовался, – сбавил обороты генерал. – Это вас, видимо, чуть не зацепило?

– Нас, – включился инструктор.

Вся его недавняя злость притухла на фоне разбушевавшегося генерала.

Меня же вся эта ситуация только забавляла. Мне не терпелось взглянуть на пресловутого Файтера – гения-идиота.

Когда он появился, снял шлем, с красовавшейся на нем аэрографией – череп в перекрестии снайперского прицела, я невольно закусила нижнюю губу и почувствовала, как ускорился пульс, отдаваясь в висках. Он не просто был ладно скроен, все в нем было даже немного чересчур: мощные плечи и торс, пронзительный взгляд серых глаз, высокие скулы, каштановые волосы, губы и нос словно вылепленные искусным скульптором, и какая-то такая от него исходит сила неизвестной природы, что хочется прикоснуться к нему, дабы убедиться, что этот человек реален, а не наваждение.

– Товарищ генерал, лейтенант Шестов по вашему приказанию прибыл, – протараторил он.

– Ты чего устроил? – обрушивается на него генерал, но Шестов и бровью не ведет.

– Не могу знать, товарищ генерал!

Даже мне было видно, что этот гений-идиот смотрит на генерала слишком вызывающе, словно вообще не воспринимает его всерьез на самом деле и только подыгрывает, потому что так положено, но не более.

– Все ты знаешь, лейтенант, ты какого хера в том секторе оказался, почему нарушил полетное задание?

– Птицы!

– Что птицы?

– Обходил стаю тактических уток с явно враждебными намерениями!

Я не сдерживаюсь и прыскаю от смеха и тут же зажимаю рот ладонью.

– Ерничает лейтенант?

– Никак нет!

– Ну, допустим, птицы. А какого, не при даме будет сказано, мужского полового органа, твою мать, ты пируэты крутить начал?!

– Одна из уток, товарищ генерал, без опознавательных знаков и бортовых номеров – тип селезень, класс – стелс, зашла мне в хвост. Бортовые системы предупредили о возможности ракетной атаки, пришлось выполнить противоракетный маневр и в свою очередь зайти селезню в хвост, вызвав у того произвольное бомбометание, тип снарядов – жидкие, класс – неуправляемые!

Я смотрю на краснеющего и тут же зеленеющего от гнева генерала, мне кажется, что я натурально вижу, как у него из ушей идет пар.

– Ясно, – сквозь зубы цедит генерал и уже полковнику, – на гауптвахту его, от полетов отстранить, документы в особый отдел, закончилась карьера вашего гения-идиота.

Не смотря больше на Шестова, генерал ставит окончательную точку:

– Пошел вон, наглец!

– Есть!

Шестов поворачивается и наши взгляды с ним пересекаются. И впервые в жизни я вижу, чтобы на меня смотрели с таким пренебрежением. Он смерил меня взглядом с ног до головы, немного задержавшись на обтянутой летным комбезом груди. Я знала, что выгляжу великолепно, никогда никаких сомнений у меня в своей внешности не было, да что там говорить, я прекрасно осведомлена, что мужчины не способны отвести от меня взгляда. Но этот Шестов только скривил губы, будто жабу какую-то увидел и прежде, чем выйти из командного пункта презрительно бросил:

– Вот это я что ли чуть не угробил. Так не велика потеря для авиации была бы.

От возмущения у меня сперло дыхание. Я глубоко вдохнула и никак не могла выдохнуть. Щеки и уши вспыхнули. «Да с какого перепуга такое отношение? Что он знает обо мне? Что за презрение?!», – несется в голове.

Меня буквально всю трясет. Только этой фразой и уничижительным взглядом он обесценил во мне все, чем я на самом деле гордилась. Да, я считала себя не просто привлекательной, а сверх привлекательной, да я считала себя достойным пилотом. Еще мгновение назад пресловутые бабочки в животе, готовые уже вылупиться из куколок от одного только вида Шестова, дружно подохли засохли и рассыпались в прах.

Он вышел намеренно слегка задев меня плечом, будто

подчеркивая свое передо мной превосходство.

Я стою, смотрю не генерала, тот смотрит на меня и как мне кажется, у меня, как и у него идет пар из ушей, оба мы зеленые от гнева и оба хотим, чтобы Шестов больше никогда не поднялся в небо.

– Нельзя его на гауптвахту, товарищ генерал, – подливает масла в огонь полковник, – и отстранять от полетов нельзя.

– Это еще почему?! – свирепеет генерал и даже я вжимаю голову в плечи.

– Борт номер один Шестов сопровождает через два дня. А еще через два дня у нас международный авиакосмический салон в Жуковском. И демонстрационные полеты у него там.

Генерал в ярости сжимает кулаки, внезапно осознав свое бессилие.

– Борт номер один – это тот самый борт? – шепотом спрашиваю я у инструктора.

– Тот самый. Президент, – отвечает инструктор тоже шепотом.

Генерал выходит из командного пункта, громыкнув дверью.

Каждый раз, когда я иду после полетов с аэродрома до своей машины, я словно порхаю. Небо не отпускает меня быстро, и сама я еще какое-то время хожу, будто не касаясь ногами земли. Но только не сегодня.

Сегодня вместо неба я вижу стальные глаза Шестова, его

презрительный взгляд, его надменную ухмылку, а в голове звенят его слова: «Не велика бы была потеря для авиации».

Я снимаю машину с сигнализации – свою красную спортивную пулю. Сажусь за руль и запускаю двигатель. Мерный рык породистого мотора немного успокаивает, но окончательно в себя я до сих пор прийти не могу.

Если бы Шестов не поразил меня настолько, как только вошел в командный пункт, его подчеркнутое пренебрежение ко мне совершенно не зацепило бы меня. Но здесь сыграло сразу несколько факторов. Пилот лучшего истребителя на этой планете, и, если верить полковнику – лучший пилот. «Сколько ему там получается лет, если он всего лишь лейтенант?», – спрашиваю я себя. Двадцать один, может – двадцать два. На год или два старше меня и уже на такой высоте. А как он выглядит. Сколько у него этой внутренней мужской силы уже в этом возрасте, что ею так и пышет. Даже генерал на его фоне смотрелся, как воробей перед ястребом.

Я дала слабину там в командном пункте, растеклась как сливочное масло под палящим солнцем. И это, конечно, в немалой степени от уверенности, что я неотразима и уж коли мое сердце так застучало в груди, если зрачки мои расширились и перехватило дыхание, я всегда была уверена, что, если такое когда-нибудь случится, я непременно должна тут же получить такую же ответную реакцию.

И вот это случилось, но что я получаю? Я как мой несчастный Як-52, сносимый ударной волной проходящего зву-

ковой барьер истребителя, кручусь в воздухе и едва-едва справляюсь, выравнивая полет.

Так меня еще никто не приземлял. Я врубаю скорость, топая по педали газа, двигатель взрывается ревом и, сжигая покрышки «пуля» срывается с места.

Глава 2. Воздух

Каждый раз после полетов я по традиции отправлялась в бар «Воздух». Это даже не столько бар, сколько закрытый клуб для своих.

Туда нельзя войти просто с улицы. Это место только для тех, кто так или иначе связан с небом: пилоты, парашютисты, виндсерфингисты, бейсджамперы, парапланеристы и даже воздухоплаватели.

И нельзя просто так заявиться, сказать, дескать: «Я на воздушном шаре два раза катался». Нужно либо соответствующее удостоверение, либо рекомендация одного из завсегда-таев.

Единственными людьми, которым ничего не нужно было предъявлять были те, кто приходил в военной форме с шевронами ВКС – военно-космических сил и погонами с голубыми просветами.

Особо все мы гордились, что иногда к нам присоединялись даже действующие космонавты.

В общем – место культовое и спокойное, где можно было не волноваться, что здесь окажется какой-нибудь залетный.

Вот и сегодня я несусь на своей «пуле», пропустить коктейль в «Воздухе». И мне как никогда это необходимо.

Чертов Шестов не выходит из головы. Да, восторгов на его счет во мне поубавилось, но я не могла не отметить, что

в свои двадцать два он уже достиг невероятных высот для пилота.

Понятно же, что только лучшие из лучших могут сопровождать борт номер один. Только пилоты сверх высокого класса могут участвовать в демонстрационных полетах на авиасалоне, да еще и на самом лучшем боевом истребителе в мире.

«В двадцать два года, боже!», – звучит в голове. Его видно в кабине истребителя зачали и там же родили. Иначе, я никак не могу это объяснить.

При одной мысли только, что вытворяют наши пилоты на авиасалонах, какие сложнейшие фигуры высшего пилотажа они выполняют, у меня захватывает дух.

И вот пожалуйста – такой вот пилот, такой вот мужчина, о котором только можно мечтать, размазывает меня словно козявку ничтожную.

Мое самолюбие не то чтобы уязвлено, оно требует реванша! Оно вопит во мне: «Он должен взять свои слова обратно! И он не может на тебя смотреть с таким презрением, будто ты лохушка неухоженная! Ты тоже пилот. Вот-вот получишь допуск к самостоятельному пилотированию. Да, не легчик истребитель, но одна из немногих женщин пилотов, а это чего-то да стоит! Ты из достойной семьи, у тебя блестящее образование и не просто, как говорят – золотая молодежь, но и человек, который делает себя сам, а не только использует ресурсы и положение своих родителей – потомственных ди-

пломатов. А кто он без своего истребителя?».

Я все распаляла и распаляла себя. И все сильнее давила на газ, уже не замечая, что стрелка спидометра скоро уйдет за двести.

В себя меня приводит только рев полицейской сирены и приказ из громкоговорителя: «Водитель, прижмитесь к обочине!».

Я сбрасываю скорость, «пуля» недовольно ворчит двигателем, и останавливаюсь. Полицейский подходит к машине, я опускаю стекло. Полы платья соскальзывают, открывая ноги.

Полицейский задерживает взгляд на ногах, слишком долго задерживает и я понимаю, что могу выйти сухой из воды.

– Простите, превысила, знаю, – я вооружилась самой обворожительной улыбкой из своего арсенала и протягиваю ему водительские права.

– Не просто превысили, – он смотрит в права, – это лишение, понимаете это, Лебедева Майя Александровна? Торопитесь куда-то?

– Если честно, да, – я достаю из бардачка корочку с золотым гербовым орлом и внушительным – Министерство иностранных дел Российской Федерации и смотрю на него с легкой поволокой.

– Никаких прав вам это не дает. И кем трудитесь в министерстве Майя Александровна?

– Переводчиком, и вот как раз опаздываю у меня сегодня китайская делегация и другого переводчика нет, вы уж войдите в положение, пожалуйста, обещаю больше не нарушать.

Никаким переводчиком в МИДе я не работаю, конечно. И удостоверение мне это сделал когда-то отец. Он, как раз, дипломат и это для него и для всей нашей семьи, натурально – священная корова.

Из поколения в поколение Лебедевы служат в министерстве и каждому, еще в утробе матери было уготовано стать только тем, кем должны быть Лебедевы. Преемственность в этом деле цениться не меньше профессионализма. А бывает, что и больше.

Но я пока только студентка МГИМО и, если честно, мне стыдно светить этой липовой корочкой. В том смысле, что липовой считала ее только я потому, что на самом деле числилась в министерстве как стажер переводчик, но только числилась и не чувствовала себя в праве брать на себя роль того, кем не являюсь.

Но сейчас мне было жизненно необходимо, чтобы полицейский отпустил меня без последствий, и я готова пустить в ход все, что необходимо.

– Ой, Майя Николаевна, да у вас машина такая, которая только для того и создана, чтобы нарушать, – он отдает мне права и удостоверение и снова бросает взгляд на ноги. – Больше не гоняйте. – Полицейский берет под козырек.

Я поднимаю боковое стекло, завожу двигатель и вливаюсь

на «пуле» в поток послушно и с установленной скоростью.

Улыбка тут же сползает с моего лица. Но я немного благодарна этому полицейскому. Точнее тому, как он смотрел на меня и мои ноги. Мне было необходимо, чтобы хоть немного ожила моя самооценка. А, что может быть для этого лучше, чем восторженный мужской взгляд? И, что может быть для нее хуже, чем такой взгляд каким меня одарил проклятый Шестов?

«Да вылезь ты уже из моей башки», – пробурчала я и, конечно, перестроилась в левую полосу и снова разогнала «пулю», собирая штрафы с камер дорожного наблюдения.

Когда я добираюсь до места закат уже подкрашивает город в нежно-розовый. Июльская Москва облегченно вздыхает вечерней свежестью, чертит по земле длинные тени от домов.

«Воздух» встречает меня привычной атмосферой, слегка приглушенным светом и ненавязчивой инструментальной фоновой музыкой. Это место меня успокаивает.

Каждый уголок здесь радует глаз и душу. Со стен мне улыбается с черно-белой фотографии прославленный русский летчик Валерий Чкалов. Я по традиции киваю ему, и почему-то снова думаю о Шестове, словно портрет Чкалова вызывает какую-то ассоциацию.

Я прохожу за барную стойку, где по стене за спиной бармена вместо привычных бутылок, как бывает в любом баре, стоит бесконечное множество моделей самолетов.

Будь моя воля, я вообще обитала бы только на аэродроме и здесь.

И там, и здесь все по-настоящему.

На аэродроме столько адреналина, что кажется будто он буквально разлит в воздухе. Здесь же атмосферу создает не только интерьер, но и люди. Все мы, кто бывает здесь, любим смотреть на землю с такой высоты, что не видно всего, чем полнится человеческий мир под солнцем.

С этой высоты не видно боли и обид, не видно ежедневной борьбы за собственное счастье, не видно злости и человеческой ненависти.

С высоты не видно городской суеты, в небе я так, кто есть на самом деле. Без условностей, без необходимости кем-то казаться.

В небе не нужно играть определенную роль, фальшиво улыбаться. Фальши небо не прощает. Небо слишком ревниво и его не обманешь, оно сразу почувствует если не любишь его искренне и обязательно накажет.

Все мы, когда оказываемся на земле, стараемся сохранить это чувство неба в себе, чтобы не заземляться. И лучше всего это делать либо в одиночестве, либо в компании людей, которые разделяют эту любовь к небу, к высоте и относятся друг к другу с пониманием.

Бар понемногу заполняется людьми.

Я пристраиваюсь на дальнем конце барной стойки у стены – мое любимое место. Здесь всегда полутень и я могу спокой-

но наблюдать за происходящим, оставаясь по большей части незамеченной.

В этом есть, конечно, доля лукавства. Многие меня знают. Не так часто на самом деле здесь бывают женщины пилоты. А я уже почти пилот, осталось только сдать нормативы и получу доступ к самостоятельным полетам, чего жду с замиранием сердца.

Но не только это интересует окружающих в моей персоне. Даже лучше будет сказать, вообще не это интересует.

Я всегда здесь бываю одна и, конечно, становлюсь магнитом для мужского внимания. В основном, ко мне подкатывают те, кто здесь в первый раз или не частый гость, чтобы заметить, что я завсегдатай.

Вот я замечаю, что в баре появляется компания парашютистов. Это громкие ребята. Всегда буйно проводят время, но никому не мешают. Я их всех знаю, и как только они появляются, подходят поздороваться.

Следом за ними заходят два пилота гражданской авиации. Мужчины за сорок, всегда собранные, не особо общительные. Я знаю, что они заходят сюда перед рейсом. Ужинают, что-то обсуждают, конечно, ни капли спиртного.

Я заказала фирменный коктейль с таким же названием, как и заведение – «Воздух». Я редко пью алкоголь, но сегодня мне нужно, хочется встряхнуть из головы этот сумбурный день. И как только я делаю глоток, дверь открывается, и в бар вваливается троица молодых парней в военной форме

ВКС России.

Все как на подбор: одного роста, крепкие, плечистые, статные. Форма на них сидит как влитая. Сильные, молодые жеребцы, по-другому и не скажешь.

Двое сразу направляются к барной стойке, третий оставливается там же у входа и осматривает заведение, словно прикидывает, стоит ли здесь оставаться.

Тень от козырька фуражки падает ему на лицо, и я не могу его разглядеть. Но вот он снимает фуражку, сердце мое делает удар, замирает на мгновение и тут же пускается вскачь. «Шестов», – проносится в голове.

Судорожно выпиваю сразу половину бокала своего довольно-таки крепкого коктейля и чувствую, как тут же ударяет в голову.

Ладошки вспотели, губы пересохли. Эта странная реакция организма меня удивляет: «Я что боюсь его что ли?», – спрашиваю я сама себя.

Шестов оглядывается, скользит взглядом по мне, но не узнает с такого расстояния, мое укромное место в самом конце барной стойки, прячет меня от его стальных глаз, но я вижу его хорошо в свете люстры у входа.

Он чего-то будто ждет и точно, дверь открывается, и входит девушка. Шестов берет ее за руку.

Прежде всего меня поражает какое-то мимолетное сходство со мной. Такой же длинны светлые волосы, так же распущены. Платье почти такого же кроя, как и на мне сейчас

и, что удивительно – почти точное попадание в цвет.

Я почти уверена, что мы с ней одного роста и точно одной комплекции. Не без удовольствия отмечаю только, что грудь у меня повыше и чуть объемней.

Вглядываюсь в ее лицо и с облегчением отмечаю, что здесь мы совершенно непохожи.

Он немного старше меня, наверное, одного возраста с Шестовым или даже постарше на год или два. Слишком серьезное выражение лица с толикой какого-то осуждения что ли, только портит ее. Она слишком напряжена, будто все здесь ей чуждо, и оказалась она в «Воздухе» только в силу какой-то неведомой необходимости.

Меня почему-то немного раздражает тот факт, что по правилам заведения здесь могут присутствовать близкие тех, кто связан с небом. Например, жена или невеста.

Сослуживцы Шестова уже взяли по бокалу пива и двинулись было ко столу, но один задержался, завис на мне взглядом с бокалом пива в руке, пытаюсь, видимо, поразить меня своей лучезарной улыбкой.

Я демонстративно отвела взгляд, тут же нацепив на себя маску безразличия и легкой надменности, чтобы показать ему – у тебя нет шансов.

Шестов придерживая свою спутницу за талию, идет с ней к столу, где его товарищи уже озадачивают заказом официанта.

Мне должно быть все равно, но я никак не могу унять волнение. Вспомнился его презрительный взгляд там – в командном пункте и обидные уничижительные слова, брошенные Шестовым будто между делом.

Но еще больше меня раздражает эта девица рядом с ним, и еще больше я бешу сама себя. Этими неконтролируемыми реакциями, которые не отследить не успеваю, не притушить.

Будто мое сердце и моя душа взяли и разом отключили мозг. Посадили меня на эмоциональные качели и давай раскачивать так, чтобы у меня закружилась голова, и я вообще перестала соображать.

В два глотка я допиваю коктейль и заказываю еще. Бармен смотрит на меня недоуменно:

– Ты сегодня во все тяжкие, Майя?

Я не только редко употребляла алкоголь, но даже если заказывала, никогда не допивала до конца. И бармен это знал. Он поставил еще один бокал передо мной.

– Да что-то как-то... – невпопад отвечаю я.

Но к бокалу больше не прикасаюсь. Я говорю себе не смотреть, а сама все пялюсь на столик, где расположился Шестов со своей компанией.

Он будто чувствует мой взгляд и оборачивается. Я тут же отворачиваюсь, оставаясь в тени и не узнанной.

«Чтобы тебя черти подрали, Майя, смотри вон на самолетики за спиной бармена уже!», – ругаю я сама себя и отодвигаю бокал с коктейлем от себя подальше.

Почему-то в заведении под названием – «Воздух» мне резко перестало хватать этого самого воздуха.

Глава 3. Кто кого?

Из-за выпитого коктейля я больше всего сейчас сожалею не о том, что в голове стоит легкий туман, а чувства слишком обострены и вызывают не совсем адекватные для меня эмоции, а то, что мою красную «пулю» придется оставить где-то здесь.

Я решаю выйти наружу, подышать немного воздухом и присмотреть место, куда можно перепарковать машину на ночь.

На воздухе мне становится немного полегче. Туман в голове рассеивается, и я даже умудряюсь развеселиться от того, как еще мгновение назад не могла толком совладать со своими неадекватными реакциями на Шестова.

Из бара вываливается шумная компания, видимо на перекур. По голосам слышу, что это те, кто с Шестовым и тут же внутренне сжимаюсь, ожидая услышать и его голос. Здесь, он, конечно, меня узнает, и я нисколько не сомневаюсь, что он не упустит шанса подколоть или того хуже – снова как-нибудь оскорбить. Не знаю, чем уж так я ему насолила.

Стою, не оглядываясь на офицеров. Я заметила удобное место, куда можно переставить машину. Уже собралась вернуться в бар, попросить бармена переставить «пулю», и в этот момент кто-то сзади обнимает меня за талию, кладет руки на живот и крепко прижимает к себе.

От неожиданности я даже не успеваю отреагировать. Все происходит слишком быстро, а я как-то чересчур заторможена.

Чья-то рука убирает мои волосы, горячо и нежно целует в шею, отчего у меня мгновенно вспыхивает внизу живота и вместе с тем холодеет в солнечном сплетении.

Я резко оборачиваюсь, уже собираясь залепить наглецу пощечину и лицом к лицу оказываюсь с Шестовым.

Он выше меня ростом, я смотрю на его губы, он глядит на меня испуганным недоумевающим взглядом. Все длится одно мгновение, но для меня это мгновение все тянется и тянется.

Он так близко, я чувствую запах его ненавязчивого легкого парфюма, чувствую тепло его тела и понимаю, что он совершенно не понимал кого обнимал и целовал только что.

Он резко отстраняется и спешит извиниться:

– Простите! Я думал... вы со спины очень похожи на мою девушку, неловко вышло, – Шестов широко улыбается, но тут в его глазах я замечаю блеск узнавания, и улыбка тут же сползает.

То, что он обознался меня не удивляет, я и сама подметила наше мимолетное общее сходство с его подругой, со спины можно было ошибиться.

– Ну, надо же, какая встреча, у нас тут недопилот собственной персоной! Ну, здравствуйте.

От возмущения и от разницы в ощущениях от только что

произошедшего, я буквально задыхаюсь и не нахожу, что ответить.

– Что за недопилот? – подключаются его друзья.

– Да из-за нее и ее трактора я сегодня нагоняй получил, – отвечает с усмешкой Шестов.

Все! Больше я не намерена это терпеть!

– Если бы кое-кто смотрел куда летит, и не нарушал правила полета, никакой трактор ему бы не помешал! Слышала я как тебя зовет твое начальство – гений-идиот, я бы на их месте первую часть убрала!

Он удивленно приподнимает бровь, явно не ожидая от меня отпора.

– Так это я не видел куда лечу? Вот так новость, а ничего, что это ты залетела не в свой сектор и благодарила бы бога, что я вовремя отреагировал. Это мое, как ты говоришь, начальство уже настолько привыкло всех собак на меня спускать, что даже разбираться не стали, кто куда залетел. У них традиция такая, если что-то произошло, безусловно виноват Андрей Шестов.

«Так тебя, наглец, Андрей зовут», – отмечаю я про себя и вслух отвечаю:

– Так ты еще и ответственность на себя брать не умеешь? Не удивительно, глядя на тебя сложно поставить в одном предложение Андрей и ответственность.

– Что у вас здесь происходит? – слышу я голос его девицы, которая, видимо, уже заждалась своего идиота и решила

проверить куда он подевался.

Меня так и подмывает сказать: «Ничего особенного, он просто обнимал меня и целовал в шею, все в порядке, иди дальше делай, что ты там делала». Но, конечно, я ничего не говорю.

Меня трясет от того, что ко всему этот гад еще вину за инцидент хочет на меня переложить.

– Как можно быть таким бессовестным? – бросаю я ему.

– О чем она говорит, Андрей? – вмешивается девица.

– Все нормально, Галь, я тебе рассказывал сегодня про нагоняй от начальства, помнишь? Ну, так вот это из-за нее.

Эта самая Галя смотрит на меня будто я олицетворение всех бед на земле. Но в то же время с недовольство поглядывает на Шестова. Не смотря на его объяснение она будто чувствует, что он только что перепутал меня с ней. Я это вижу по ее глазам. Она не знает, что произошло точно, но точно знает – что-то произошло.

Так уж устроено женское сердце. Оно не предполагает, оно знает, хоть и не всегда может расшифровать это знание. И тогда подкидывает в сознание предчувствия и ощущения, которые и становится тем, что управляет женщиной в той или иной ситуации.

И мне, как бы это странно ни звучало, нравится, что Гале не нравится. Но и терпеть очередной выпад Шестова я не собираюсь.

– Ладно, пребывай дальше в своих заблуждениях, я не со-

бираюсь больше это обсуждать, — я смотрю на него и пытаюсь подметить хоть что-то чем можно было бы его зацепить — мгновенно и больно.

Взгляд падает на часы. Я вижу, что у него старые какие-то пошарпанные с мутным стеклом часы:

— Первый раз вижу, что у пилота такие убогие часы, денег не хватает?

Укол попадает точно в цель. Он машинально одергивает рукав, пряча часы.

— Ну, да, кто ты, если тебя вытащить из истребителя? Лейтенант зеленый, а гонору, как у генерала, людей бы не смешил хоть.

Вижу, что на его Галю мои выпады производят еще большее впечатление, чем на него.

— Пойдем, — Галя тянет Шестова за руку, — не связывайся с ней.

Он послушно идет вслед за ней.

— Еще и под каблучком мальчик, — говорю я негромко, но так, чтобы он наверняка услышал. И вижу, как он не выдержал и обернулся глянуть на меня. И эта шпилька в цель.

«Иди-иди Андрей Шестов, не на ту напал, мальчик», — злорадствую я мысленно.

В его взгляде я замечаю, что хоть мои уколы ему и не по душе, он не раскис и не обиделся. Ровно тоже самое я видела, когда его отчитывали в командном пункте и ровно также он глянул на меня тогда, когда выходил и бросил те обидные

слова.

На все это он реагировал не как на едкое замечание, а скорее как на несправедливость, с которой вот прямо сейчас он не может или не хочет бороться.

Мне становится немного не по себе. Я вдруг понимаю, что своими словами не столько его подколола, сколько саму себя. «В часы вцепилась, что к чему, Майя, причем здесь вообще часы?», – отчитываю я себя.

Я возвращаюсь в бар, иду к барной стойке, чтобы расплатиться с барменом и уже направляясь к выходу не справляюсь с собой и бросаю взгляд на компанию Шестова.

Он смотрит прямо на меня, теперь не только с пренебрежением, но как мне кажется и с легким интересом. Только природа этого интереса остается для меня непонятной. Я до этого дня еще не чувствовала на себе подобных мужских взглядов. Это и не похоть, и не взгляд – слащавый намек на какие-то толстые обстоятельства. Шестов изучает меня будто противника или соперника, который только что нанес ему удар и теперь он примеряется, как ему ответить.

От этого взгляда по спине пробегают мурашки. Шестов все смотрит и даже не замечает, что его Галя все это время глядит на него. Следит за его взглядом, уже с неприкрытым раздражением смотрит на меня и снова на Шестова.

И только когда она уже дергает его за локоть, он очухивается и улыбается ей, будто ничего сейчас не произошло.

Да, для любого мужчины в этой игре взглядов ничего нет,

но для женщины здесь намного больше смыслов, чем в сказанном вслух.

Для женщины только в этом и смысл.

Город уже раскрасился светом фонарей и подсветок. Москва готовится к ночной жизни. Прогуливаются влюбленные парочки, шумные компании. Прносятся бешенные самокатчики, а разноцветные курьеры в форменной одежде спешат кому-то доставить снедь под просмотр сериалов.

Я запускаю Яндекс такси, к счастью, машина находится тут же. Я достала из багажника своей «пули» спортивную сумку, где хранится мое сокровище – летный комбинезон и шлем. Уже через две минуты я на заднем сиденье такси, везущем меня домой.

Ехать нужно загород, но туда, где находится наше родовое гнездо добраться можно быстрее, чем в некоторые районы по городу – закрытый поселок в Одинцовском районе. Я могла бы отправиться пешком, здесь в центре неподалеку наша квартира, но я ее не люблю. Мне в ней неудобно, не квартира, а музей какой-то. Выставка достижений нашей семьи. Историческое здание, где живут государевы люди, коими являются и мои родители, кем должна стать, и я впоследствии.

Наш загородный дом хоть и выдержан в похожем стиле и тоже олицетворяет собой квинтэссенцию пафоса – обитель небожителей, все же нравится мне больше. Там есть, где спрятаться, есть много мест, не пропитанных атмосферой чего-то монументального и столь важного, что даже хо-

дить по дому нужно так, будто находишься на официальном приеме.

В этом доме есть моя комната, в которой все так, как нравится мне, и даже мои чопорные родители ничего не могут с этим поделать. Здесь по стенам как в баре «Воздух» есть несколько портретов прославленных женщин летчиков. Здесь мои модели самолетов, которые я собирала с самого раннего детства и бронзовый бюст лучезарного Гагарина.

Родители только диву давались, когда я маленькая наотрез отказывалась играть в куклы. Подавай мне самолетики и все тут.

В семь лет я заявила, что буду космонавтом. Тогда родители только посмеялись и даже похвалили за такое стремление. Но когда в четырнадцать я пыталась настоять, что буду летчиком, они уже не смеялись. Мне четко обозначили, что это невозможно. Что есть традиция, есть преемственность в семье Лебедевых и небо точно не сфере интересов этой семьи. Есть цели важнее, а меня ждет после окончания школы Московский Государственный Институт Международных отношений и точка.

Не сказать, что мои родители тираны. На самом деле они во мне души не чают. Я никогда не чувствовал себя несчастным ребенком. А когда подросла даже стала понимать эти их установки и в какой-то мере приняла.

Но все равно я ничего не могу с собой поделать. Небо — это одержимость. И это больше, чем, как говорят «адрена-

линовая зависимость». Здесь что-то другое. Извечная тоска человека, которая появилась тогда, когда он впервые увидел птицу в небе, осознал ее полет и понял, что ему никогда не получить такой свободы и легкости.

И с тех пор человек всеми силами пытался подняться в небо. Рисковал, погибал, но все равно не останавливался. И, наконец, он покорил небо. Но и этого оказалось мало. Он хотел подниматься все выше и выше, пока вообще не выбрался за пределы земного тяготения. Что это? Одержимость? Адреналиновая зависимость или все-таки что-то больше? Больше, чем сам человек.

Я выбралась из такси, набрала код на электронном замке и просочилась во двор нашего дома, окруженный неприступным трехметровым забором.

Родители уже точно были дома, и я могла с ними столкнуться сразу, как только войду. Поэтому, мне нужно было оставить где-то мою сумку с летным комбинезоном и шлемом, чтобы не вызвать лишних вопросов и не усугублять ситуацию, если вдруг они заинтересуются, что у меня там.

Я нырнула в домик охраны тут же у ворот, где сегодня дежурил мой давний сообщник – наш бессменных сторож уже много лет, столько лет, сколько я себя помню – Павел Аркадьевич, которого я всегда звала дядя Паша. Выросла, но так и зову.

– Дядь Паш, я у вас сумку брошу? – я виновато улыбаюсь и пожимаю плечами, будто отвечая на его незаданный вопрос,

дескать, снова партизанишь?

– Партизаню, дядь Паш, партизаню.

Я оставляю сумку и направляюсь к дому. Тревоги мои были необоснованны. С родителями я не пересекаюсь. Избежав нравоучений, я запираюсь в своей комнате и бросаюсь на кровать.

Этот день меня вымотал. Впервые после полетов я не чувствую себя спокойно и умиротворенно. И уже известно, из-за чего, а точнее из-за кого.

Но сейчас вопреки моей воле, я вспоминаю не полет, даже не презрительные слова, брошенные в мою сторону на аэродроме и возле бара. Я вспоминаю стальные глаза, вспоминаю тепло рук, оказавшихся на моем животе, вспоминаю такой нежный и одновременно страстный поцелуй в шею.

У меня потянуло вниз живота, я сжала бедра и повернулась на бок. Но наваждение никуда не делось. Теперь добавился еще и запах. Сердце заколотило молоточками по вискам. Невольно с губ сорвался тихий стон.

«Да, что происходит, едрить колотить!», – одергиваю я себя мысленно и вскакиваю с кровати.

Смотрю на себя в зеркало: «Боже, Майя, что с глазами?». Зрачки расширены как у кошки в темноте, на щеках румянец, губы сухие от горячего дыхания.

– И как тебе теперь уснуть? – спрашиваю я свое бешенное отражение в зеркале.

Глава 4. Птица другого полета

Мобильник трезвонить на всю комнату, выдергивая меня из сна. Я смотрю на экран еще не продрав глаза, меня за чем-то с самого утра уже хочет слышать мой инструктор.

– Тут такое дело, Майя, – я слышу, что голос у него такой, что не предвещает ничего хорошего. – В общем, вчера – это мы с тобой учудили, а не тот летчик. Моя вина, ты не переживай, это я что-то в полетном задании напутал и чуть обоих не загубил.

– Чем нам это грозит? – спрашиваю я.

– Тебе ничем, а я все улажу, не волнуйся и готовься к сдаче на допуск.

«Черт!», – шиплю я и тут же вспоминаю стальные глаза Шестова. «Так он как есть говорил, оказывается, ясно, чего он на меня набросился», – я от досады прикусываю губу.

«Ладно, виновата я, даже не я, а инструктор, но тем не менее, дает ли это ему право так разговаривать со мной? – думаю я, – нет, не дает. А если тебя, Шестов, начальство вечно мордой по грязи возит, может, есть за что? И нечего жаловаться на мой, как он там сказал – трактор. Это у тебя трактор, а у меня чудесная птица, засранец!».

Я смотрю на модель Су-57 у себя на столе виноватыми глазами, словно извиняюсь, что назвала это чудо человеческой мысли трактором.

Я спускаюсь со своего третьего этажа на первый, где мама уже шуршит, готовя завтрак. На самом деле у нас был семейный повар, но именно завтраки мама ему не доверяла.

Я спрашивала ее как-то об этом. Она отвечала: «Ну, уж нет, утро – это время семьи. Мы и так толком вместе не собираемся. Постоянно вокруг кто-то есть. Отец вечно занят, ты вся в учебе, да и кроме учебы пропадаешь где-то. Я вас хоть по утрам могу всех поймать и хоть как-то позаботиться».

Я была благодарна ей за это. И за то, что завтракали мы на кухне, а не как обычно, когда обедали и ужинали – в столовой. Не нравилась мне эта чопорность. Но я понимала почему так, а не иначе. Действительно, за обедом к нам постоянно кто-нибудь присоединялся, как и за ужином. И все действие больше напоминало какую-то условность, ритуал. Будто мы в девятнадцатом веке живем, и к тому же дворяне какие – ведем светские беседы.

Ни поесть нормально, ни поговорить по-семейному. Зато завтрак – действительно наше время.

В этот раз мама готовит блинчики, отец сидит на высоком стуле у стола-стойки, я сажусь напротив него.

Мама ставит первую партию пышущих жаром блинчиков, я тут же хватаю один и щедро макнув его в сгущенку, отправляю в рот.

Отец читает газету, но смотрит на меня краем глаза и слегка улыбается, видимо от того, что я обляпалась сгущенкой.

Я каждый раз поражаюсь тому, что он все еще читает га-

зеты.

– Пап, ты пока ее читаешь, там уже все новости обновились, давай я тебя на телеграм канал этой газеты подпишу?

– Дело не в новостях, Майя, – он смотрит на меня поверх очков, – а в традиции, в ритуале, если хочешь, в запахе свежей газеты и времени проведенной за ней. А я твой телеграм сколько не нюхал, ничего не почувствовал.

Я прыскаю смехом, чуть не забрызгав сгущенкой его газету.

– И вот это тоже, – смеется отец, глядя на меня.

Он кладет газету на стол, и я вижу – что-то торчит между страниц.

У меня ёкает сердце. Я вижу заветные буквы – МАКС и слово пропуск.

– Бери-бери, – кивает отец.

Я хватаю пластиковый бейдж, на котором написано – Международный авиакосмический салон. Пропуск – Майя Лебедева. Аэродром Жуковский.

– У меня там делегация будет, решил, что тебе тоже нужно, – говорит отец как бы между делом, хотя прекрасно знает мою одержимость самолетами.

– Спасибо, папа, – я вскакиваю со стула и крепко обнимаю.

С этим пропуском я могу посещать не только общие мероприятия, но и закрытые, те, куда простых смертных не пускают, а это дорогого стоит.

Отец, хоть и был против того, чтобы я связывала свою жизнь с небом, понимал, что с моей тягой все равно не справится. Это он покупал мне все модели самолетов и даже в какой-то мере поддерживал мое увлечение, надеясь, что я вырасту и переболею этим детским увлечением.

И сейчас его подарок того же рода. Если бы он знал, что я в тайне учусь на пилота, он бы рассвирепел. И не только оттого, что я нарушаю запрет, а больше потому, что я, как он говорил: «Не должна просто так рисковать жизнью». Если можно избежать опасности, ее нужно избегать, так считает отец, и мама его полностью поддерживает. И не нужно лезть туда, где вероятность свернуть себе шею выше всего.

Я доедаю последний блин, хватаю пропуск, целую маму, целую отца и отправляюсь в свою комнату. И только когда поднимаюсь на третий этаж, вспоминаю разговор в командном диспетчерском пункте: «Борт номер один Шестов сопровождает через два дня. А еще через два дня у нас международный авиакосмический салон в Жуковском. И демонстрационные полеты у него там».

Ладошки тут же становятся влажными, сердце проваливается в живот и возвращается на место взяв такой темп, что у меня дрожат пальцы на руках.

Я открываю дверь, сажусь на кровать и бессмысленно пялюсь на пропуск, мыслями находясь уже где-то за пределами и комнаты, и нашего дома.

Я никак не могу понять, почему у меня постоянно та-

кая реакция, стоит только вспомнить Шестова. Да, конечно, он привлекателен, да, что там привлекателен, он прекрасен, черт его дери! Эти его стальные глаза! Надменный взгляд, острые слова. В общем все, что по идее должно отталкивать меня от него, именно это и волнует больше всего.

Разобраться в этом на самом деле было не так уж и сложно. Кем мне, влюбленной в небо и авиацию, грезился мужчина на мечты? Ну, конечно – летчик истребитель. Я всегда считала, что это вершина. Ну, может еще космонавты, но космос все-таки уже не небо. Это нечто другое и в космос меня уже не тянуло так как в детстве.

И вот Шестов. И все говорит о том, что от него нужно держаться подальше.

Во-первых, я ни за что не пойду сама к такому наглецу, такому грубияну, и уж точно никогда не подойду и не подпущу к себе мужчину, который смотрит на меня как на вошь незначительную.

Все это диктовал мне разум, и все это совершенно не слушало сердце. Оно жило какой-то своей отдельной жизнью. Колотилось там само по себе в груди бросая меня то в жар, то в холод, и плевать ему было, что я там себе измышляю.

Во-вторых, у Шестова уже есть эта его Галя. Если уж на то пошло. И Галя, ему подходит. Такая же надменная и смотрит на окружающих как на пресмыкающихся. А то, как он обнял меня, как поцеловал, он же думал, что я – это она. Это ее он хотел вот так обнять, ее хотел вот так поцеловать.

«Фу! Блин!», – меня передергивает, словно я что-то про-
тухшее съела. Именно оттого, что вся это нежность предна-
значалась не мне.

Мне нужно за что-нибудь зацепиться в себе, за что-то та-
кое, чтобы не казалось, будто у Шестова надомной есть ка-
кое-то превосходство. «Пока выглядит именно так, но так
ли это на самом деле?», – задумалась я. Кто такая я, если
разобраться? Мне только двадцать, лет и я заканчиваю один
из самых, если не самый престижный ВУЗ страны, если учи-
тывать, открывающиеся после него перспективы. Меня ждет
безоблачное будущее, как говорит мой отец, если я буду сле-
довать правилам. Другой вопрос, буду ли, но все же.

Я великолепно выгляжу. У меня шикарные светлые во-
лосы, идеальная фигура, длинные ноги, крепкая молодая
грудь, пронзительные голубые глаза. Я умна, я будущий пи-
лот. «Да я вообще идеальна!», – отвесила я сама себе ком-
плимент. У меня влиятельная и богатая семья, я вообще се-
бе ни в чем могу не отказывать.

Опять же, другой вопрос, что я всем этим не особо поль-
зуюсь. Отец, наверное, думает, что деньги я трачу на развле-
чения, и не догадывается, что уходят они у меня на обуче-
ние пилотированию и сами полеты – удовольствие не из де-
шевых. А все, что остается, я откладываю. На что там откла-
дывал бы Шестов, например? Со своей офицерской зарпла-
той? На жизнь он бы откладывал. Я же коплю на самолет. На
самолет! Подумать только! На собственный легкомоторный

самолет, и откладываю успешно.

Обо мне можно сказать – золотая молодежь.

Ото всех этих мыслей мне, вдруг, становится как-то немного противно. Я сажусь на кровать и слезы сами собой катятся из глаз. Я сама только что перечислила все, что любую другую девушку моего возраста делало бы по-настоящему счастливой. Но только не меня.

Я даже вот эту мысленную ревизию провела только потому, что снова разозлилась на Шестова.

И все же. Опора мне сейчас нужна. Пусть хотя бы все это перечисленное будет опорой. А на МАКС я надену свое самое сумасшедшее платье. И если, вдруг, пересекусь с Шестовым, хочу, чтобы он дар речи потерял. Чтобы заткнулся, пускай мысленно. Чтобы понял, что на самом деле, чего бы он там о себе не думал, такой как я ему не видать. Я птица другого полета.

«Вот только чего ты тогда сидишь на кровати и реवेशь, птица другого полета?», –спросила я сама себя и разрыдалась еще сильнее.

Стук в дверь заставил меня смахнуть слезы, но от вошедшей в комнату мамы ничего было не утаить.

– Майя, что случилось, – спрашивает она и садится рядом со мной на кровать.

– Все хорошо, мама, так что-то, накатило.

– Ты не влюбилась ли, дорогая?

– Скажешь тоже, – я вздыхаю, но получается какой-то бес-

помощный всхлип.

– И хорошо, – кивает мама.

Ее слова меня немного удивляют. С чего бы это хорошо, если я в свои двадцать лет еще не влюбилась?

– Любовь – это, конечно хорошо, – мама будто сама поняла, что сказала не то. – Но лучше, когда все происходит в свое время.

– Что ты имеешь в виду? Разве можно такое подгадать.

– Можно, нельзя – не в этом дело, главное – любить нужно того мужчину, который не только этого заслуживает, но и который на одном с тобой уровне.

Слезы уже высохли. Слова матери вернули меня в реальность, и я все никак не могу понять к чему она ведет.

– А как это – заслуживает? Разве можно как-то определить, когда влюбляешься, кто чего заслуживает, и, что значит на одном уровне?

– Ты меня понимаешь.

– Нет, мама, я тебя совсем не понимаю! – я встаю с кровати, мама встает следом.

– Жизнь сложнее, чем кажется, Майя. Ты же понимаешь, что не каждый человек, может стать членом нашей семьи. А твой будущий муж, например, будет членом нашей семьи, верно?

– Ну, допустим, – я складываю руку на груди.

– И как ты думаешь, достаточно для этого только твоей

любви?

– Для меня достаточно!

– Но ты же не в вакууме живешь.

– И? О чем ты говоришь, мама? – я уже откровенно злюсь и повышаю голос.

– А чего ты нервничаешь, дочь? Ты же сама сказала, что не влюбилась, откуда столько экспрессии?

Я поджимаю губы. Здесь она права. «И правда, чего я раздухарилась?», – спрашиваю я себя. Но все равно не могу успокоиться. Слова матери поселяют во мне какое-то дурное предчувствие. Будто я враз лишилась любого возможного выбора.

И хоть сейчас никакого выбора передо мной еще не стоит, я бы хотела, если все-таки придется выбирать, я опиралась на что-то другое, нежели на то, что предлагает мама.

Она обнимает меня, целует и смотрит глазами, в которых я вижу какое-то такое сожаление, что становится не по себе.

Будто уже сейчас она знает что-то такое, что мне только предстоит узнать и, что мне точно не понравится.

Глава 5. С небом не спорят

Когда-то Шестов так был рад переехать в отдельную квартиру из общаги при воинской части, хоть и в пределах военного гарнизона и домов офицерского состава, что чуть ли не до потолка прыгал. Но сейчас, когда они едут с Галей в машине, в эту их отдельную квартиру, которая, конечно, Шестову с его постоянными залетами по службе не светила, если бы не Галя – дочь начальника штаба авиационного полка, Шестову хочется именно в общагу.

Пусть там вечно бедлам, и шум, и гам, но сейчас – это ему было почему-то просто необходимо.

Галя встретила его на аэродроме, когда он вернулся в Москву, сопровождая борт номер один.

Иногда, Шестову казалось, что Галя бежит его встречать не столько потому, что соскучилась, а только потому, чтобы поскорее спрятать его в их квартире поближе к себе, будто он какой-то неразумный ребенок и без ее заботы тут же, что-нибудь натворит.

Не сказать, что Галя была так уж не права и по большому счету, она действительно была таким себе сдерживающим фактором. И когда-то Шестов этому радовался, но сейчас, вот именно сейчас, когда он мчит по Садовому кольцу ночной Москвы, расцвеченной огнями так, что блекнет даже полная луна в черном небе, ему это совсем не по душе.

И Галя будто это чувствует.

– Ты какой-то нервный, случилось, что? – спрашивает она и улыбается своей самой обворожительной улыбкой.

– Нормально все, устал я, – бросает Шестов, зная, что Галя скорее всего расстроится и от его тона, и от того, что он бросает это так, будто только хочет, чтобы она не задавала никаких вопросов.

– Я же вижу, что дело не в усталости, – Галя не собирается отступать.

Шестов не отвечает, только крепче сжимает руль и топит педаль газа в пол.

– Не гони, сбрось скорость.

Стрелка спидометра уходит за сотню.

– Андрей!

Еще быстрее. Сто пятьдесят.

– Андрей! Сбрось скорость!

Шестов отпускает педаль газа.

– Ты угробить нас хочешь?!

Шестов ничего не отвечает, он по-прежнему молчит, прекрасно понимая, что это уже та грань, за которой маячит скандал.

Но мысли его сейчас далеко за пределами салона машины. Он вспоминает тот вечер в баре «Воздух». Вспоминает как вышел за своими друзьями, которые пошли на перекур и увидел, стоящую спиной к нему ту девушку, из-за которой его чуть мехом внутрь не вывернули из-за нарушения пра-

вил полета.

Хоть он и был ни при чем. Она на своем древнем самолете, который вообще непонятно как еще держится в воздухе, сама зашла туда, куда заходить не должна была. Что было только лишним подтверждением для Шестова, что женщинам не место за штурвалом.

Он послушно сносил нагоняй от генерала, а сам только думал о том, как бы отыграться на этой бестолочи, чтобы хоть немного почувствовать себя отомщенным.

Спорить с начальством и что-то доказывать было бесполезно. Всегда и во всем виноват Андрей Шестов. Андрей Шестов постоянно нарушает все предписания. То летает слишком низко, то слишком высоко, то совершает слишком опасные маневры, то пятое, то десятое: Шестов, Шестов, Шестов!

«А как иначе? – думал Андрей, – как иначе, если машина сама просит скорости, сама просит высоты, как иначе, если она живая и жаждет только одного – пилотирования на пределе человеческих возможностей».

Пилотировать на пределе человеческих возможностей, любить на пределе, жить на пределе, умирать за всякими возможными пределами – так представлял свой путь Шестов. Но одно дело представлять, и другое – сталкиваться с инертной и вязкой словно битум реальностью.

По началу, казалось, Галя полностью разделяет его мировоззрение. Она во всем его поддерживала, радовалась его

успехам, но первый звоночек прозвучал, когда случился первый его залет.

Шестов решил повторить подвиг Валерия Чкалова и пролететь на самолете под Троицким мостом в Петербурге. Задача Шестова была сложнее, чем у Чкалова. Совсем другие габариты истребителя, совсем другие возможные последствия, да и дело происходило не в Петербурге, а в Москве.

Но Шестов это сделал. И, на самом деле, удручающие последствия такого воздушного хулиганства могли быть куда плачевнее, если бы не Галя – дочь начальника штаба.

Но тогда он впервые понял, что не так уж она и разделяет его мировоззрение. Чего он только не услышал: ты загубишь свою карьеру, нужно думать о будущем, ты хочешь до конца службы в лейтенантах проходить? А обо мне ты думаешь вообще?

И, конечно, она была права.

– Зато как Чкалов, – ответил на это все в тот раз Шестов.

– Чкалов разбился в конечном итоге, Андрей. Разбился понимаешь?

Такое крыть ему было нечем.

Шестов вернулся мыслями к вечеру у бара «Воздух». Конечно, он не мог спутать Галю с этой девушкой. Со спины они мимолетно может и были похожи, но только Шестов непонятно каким образом понимал, что даже если сотню девиц такого же роста, с такой же длинной волос и цветом, в одинаковых платьях выстроить спиной к нему, он безоши-

бочно узнает среди них именно ее.

Мысль об этом мимолетном сходстве позабавила его, и дальше он не думал. Безотчетно, на одном только импульсе, природа которому ему была не ясна, он подошел к ней, обнял, убрал волосы и поцеловал ее в шею, глубоко вдохнув ее легкий пьянящий аромат.

Он не знал зачем это делает. Это было похоже на то, как он решил пролететь под мостом. Просто потому, что может, просто потому что, это не по правилам. Хотя бы потому, что на самом деле ему больше хотелось придушить ее нежели целовать. И все здесь сыграло свою роль. И противоречие самому себе, и вся ситуация в целом.

Когда она обернулась и он глянул ей в глаза, что-то вспыхнуло в нем, закружило голову и вместе с тем, раздражило. Впервые в жизни Шестов не мог понять, что именно чувствует и дать отчет своим эмоциям.

Шестов паркуется неподалеку от подъезда. Галя немного приутихла. Будто все это время в машине оно каким-то образом считывала его мысли.

Шестов закрывает дверь и бросает ключи на стол.

– С твоей ситуацией, кстати разобрались, – говорит Галя как бы между делом.

– С какой ситуацией?

– Когда ты чуть с самолетом не столкнулся. Я попросила отца, чтобы там подняли все данные. Оказалось, что виноват инструктор того учебного самолета. Даже не сам пилот.

– Вот даже как.

Галя глядит на него не до конца понимая этого – «вот даже как».

Она через голову снимает платье и следит за его реакцией, но Шестов смотрит куда-то в сторону, будто вообще находится не здесь.

Галя накидывает домашнюю футболку, хватая косметичку, садится на диван, достает ватные диски и средство для снятия макияжа.

До сегодняшнего дня Шестов любил смотреть как Галя приводит себя в порядок. Она напоминала ему кошку, которая трет мордочку лапой, но сейчас его это почему-то раздражает.

Шестов опускается в кресло, и Галя продолжает.

– Знаешь, я, иногда, думаю, чего тебе нейдет и не могу найти никакого объяснения.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, твои выкрутасы. У тебя же талант, в части все считают, что у тебя дар от бога, но ты сливаешь его в унитаз, зарабатывая репутацию воздушного хулигана. Будто в этом есть какой-то смысл.

– Никогда не думала, что одно следует из другого и, если убрать одно исчезнет и другое?

– Ой, да ладно. Когда-нибудь ты станешь генералом и перед тобой будет стоять вот такой же идейный и горячий, и ты сам будешь его отчитывать, – Галя открыла баночку с кре-

мом и принялась мазать лицо.

– Если стану, может и буду, но это вряд ли, – отвечает Шестов.

– Вряд ли будешь, или вряд ли станешь?

– Вряд ли стану.

– Станешь, куда ты денешься, – бросает Галя, не думая и не видя, как темнеют стальные глаза Шестова.

– У тебя будто все уже наперед расписано.

– Расписано не расписано, а какой-то план на будущее иметь нужно, – она заканчивает с кремом.

Шестов поднимается с кресла не в силах больше продолжать этот разговор. В его голове улеглись только обрывки: чего тебе нейдет, станешь генералом, нужно иметь план на будущее.

И все звучит вроде складно, и ни к чему здесь не подкопаешься, и возразить нечего, но его от этих словесных конструкций выворачивает на изнанку. Он и сам до конца не понимает почему. Здесь что-то такое с чем не может смириться ни его разум, ни его душа. Будто его сейчас только что попытались запереть в тесной конуре без света, без воздуха и, что самое страшное – без неба.

– Устал я что-то, – проговаривает Шестов и вправду каким-то резко севшим и уставшим голосом. – В душ пойду.

– Я могу присоединиться, – Галя игриво щурится и по губам ее скользит улыбка.

Шестов делает вид, что не услышал и отправляется в ван-

ную.

Завтра у него выступление на авиасалоне, но вместо того, чтобы сосредоточиться, вместо того чтобы полностью выкинуть из головы все лишнее и наносное, он стоит под струями воды, врубая то горячую, то холодную воду и никак не может собраться.

Такое состояние не может привести ни к чему хорошему. Это знает даже Галя, и Шестов сейчас понимает, что она не дергает его так как могла бы, только потому что понимает – сейчас его нервировать нельзя. Ему нужно, прежде всего, выспаться. А какой тут сон, когда дело на грани сканадала?

Это качество своей невесты Шестов ценит искренне. Качество для женщины редкое – умение убирать на второй план свои эмоции и чувства, когда предстоит что-то важное для того, кто рядом.

Но это, как считает Шестов, только следствие ее отношения к нему в принципе, а не уступка или понимание, как может показаться. Иногда, ему кажется, будто он для Галины будто породистая скаковая лошадь, на которую она поставила все свое состояние и теперь от выигрыша зависит ее будущее.

И он скачет. Преодолевает барьеры. Сдерживает как может себя и свой характер. С одной стороны, понимая, что она права, если взглянуть на все трезво, с другой стороны – это ее правота выводит его из себя.

Шестов не нарываясь специально. Он не делает чего-то

намеренно, чтобы позлить начальство или выразить какой-то протест. Все происходит само собой и естественным образом. Небо требует от него быть тем, кто он есть, и небо требует от него невозможного. Чтобы он постоянно находился на пределе, на самой границе между возможным и невозможным и каждый раз переходил за эту границу.

В этот момент, все, что происходит на земле не интересует Шестова. Он не думает о последствиях не потому, что безответственен, а потому, что вообще не существует земли и все, что с ней связано до той поры, пока он в небе.

Вспоминая сейчас тот поцелуй у бара «Воздух», то свое безотчетное желание обнять эту девушку Шестов уже догадывался о причине своего поступка. О причине этого поцелуя.

С Галей они встретились на земле. Да, она подходит ему по всем параметрам, с ней вполне комфортно, она может даже ущемить себя, поступиться своими интересами, только бы Шестов достиг каких-нибудь высот. Пускай, даже эти высоты самому Шестову не кажутся высотами.

Но вот с этой, с той которая кажется ему вздорной, слишком своенравной, даже капризной, все было иначе.

Они встретились в небе. А это что-то да значит.

И с небом, Шестов это знает точно – с небом лучше не спорить.

Глава 6. Танец огня и железа

На аэродром Жуковский мы приезжаем с отцом еще до официального открытия авиасалона. Конечно, я не преминула воспользоваться такой возможностью – побродить среди прекрасных стальных птиц еще до того, как сюда нахлынет толпа народа.

Первым делом я бегу туда, где стоят спортивно-пилотажные самолеты. Здесь я сразу же подбегаю к самолету, на котором не только мечтаю полетать самостоятельно, но и купить его когда-нибудь – Су 26М. Резвая и серьезная птичка. Как раз по мне. Вообще я всегда мечтала о СР 10 этот вообще реактивный, да еще и с обратной стреловидностью крыла, но я знаю, что проект заморозили еще в две тысячи двадцать втором году, построив только прототип. И так этот прототип по салонам и таскают.

Я могу говорить о самолетах бесконечно. Перечислять все модели и особенности, потому для людей не сведущих в авиации я один из самых скучных собеседников.

Свой самолет, о котором мечтаю, я нахожу быстро. И тут же напрашиваюсь залезть в кабину. Я берусь за штурвал, глажу приборную панель и мечтательно закрываю глаза.

Как же мне хочется прямо сейчас рвануть в небо. Я даже немного пожужжала, как ребенок, имитирующий работу мотора.

И в этот момент совсем другой звук заставляет меня открыть глаза и выпасть из своих мечтаний.

Мимо меня проплывает величественный и прекрасный истребитель пятого поколения – Су-57, в пиксельном камуфляже. Пилота в кабине с моего места я разглядеть не могу, да и в любом случае он в шлеме и с кислородной маской на лице, но я нутром чувствую, что это Шестов.

Сердце срывается в галоп. Дыхание учащается, и я почему-то машинально вжимаю голову в плечи, будто боюсь, что он меня заметит.

Самолет проезжает мимо меня по полосе и уходит дальше за границу общего построения техники, видимо выруливая на позицию, откуда будет взлетать для демонстрационного полета.

«Так! Майя! Соберись, – одергиваю я себя, – как-то слишком много чести этому наглецу!».

Я выбираюсь из кабины. Меня так и подмывает отправиться туда, где скрылся истребитель, но уже не из-за Шестова. Мне хочется взглянуть поближе на эту чудесную машину. Но я решаю сделать это позже. В любом случае демонстрационный экземпляр где-нибудь здесь стоит, и я могу полюбоваться на него позже.

Официальная часть, где присутствовал мой отец затянулась, и я уже начинаю скучать. На самом деле я понимаю, что именно сейчас происходит то, ради чего и затеваются подобные мероприятия: переговоры, заключение контрактов и то-

му подобное.

Но, что мне – влюбленной в небо и самолеты все эти контракты и переговоры? Но отец сказал, чтобы я находилась неподалеку, дескать меня ждет какой-то сюрприз.

Я, как и собиралась, надела свое самое кричащее платье. Ярко-красное почти кровавое с внушительным разрезом по ноге и прекрасно подчеркивающим все мои достоинства. Волосы распущены, красная помада, знаю, что выгляжу немного вызывающе, агрессивно и чуть старше моих двадцати лет.

Пока я послушно жду, как обличенные властью мужчины ведут свои важные, но скучные до такой степени переговоры, что могут занять зубы, ловлю на себе недвусмысленные взгляды.

Один из них особо настойчив и задерживается на мне чуть дольше, что выглядит уже не корректно. Среднего роста шатен, ладно сложен, в темно-синем, явно сшитом на заказ костюме, идеально сидящем по его фигуре. Взгляд немного нагловатый и ощущение такое, будто этим своим взглядом он намекает мне, что я должна быть чуть ли не благодарна коли уж он на меня смотрит.

Он явно старше меня и прилично так старше. На вскидку ему лет тридцать. Но выглядит, нужно отдать ему должное, отменно. Небольшая складка между бровями добавляет ему некой брутальности в его на самом деле довольно мягкие черты лица.

Он гладко выбрит и видно, что свое ухоженно лицо дове-

ряет рукам профессионала. Может, даже немного чересчур. Меня такой типаж не отталкивает, но и не особо привлекает.

Я считаю, что мужчина не должен быть чересчур ухожен и уж точно он не должен быть ухожен настолько, чтобы я задумывалась о том, что возможно мне стоит сменить косметолога. К которому, к слову, я обращаюсь чрезвычайно редко. Спасибо моей генетике и благосклонной ко мне природе.

В общем, я сторонник того, чтобы мужчина выглядел достаточно опасно, хорошо, если с легкой щетиной и пахнуть от него должно мужчиной, а не купажом из парфюмерии, лосьона для бриться или масла для бороды.

«Так как выглядит Шестов, – проскакивает мысль, которую я не успеваю поймать за хвост. – Да черт тебя задери!».

Я демонстративно отворачиваюсь, но все равно чувствую, что нагловатый шатен на меня поглядывает.

Резко захотелось на воздух, душно мне от такого внимания. Как раз в этот момент я замечаю, как меняется тон переговоров и будто спадает напряжение. Я иду к выходу, понимая, что вот и подошла к концу официальная часть и слышу голос отца:

– Майя, можно тебя на минуточку?

Я разворачиваюсь, прилепляю на лицо дежурную улыбку и подхожу к отцу, рядом с которым стоит тот самый шатен, скользя взглядом по вырезу платья.

– Хочу представить тебе Николая Сазонова, – тот делает шаг мне на встречу.

Я протягиваю руку, Николай подносит ее к губам. Отец довольно улыбается. А мне почему-то не нравится ни эта сцена, ни улыбка отца, ни это знакомство в принципе.

Слишком знакомая фамилия. С Сазоновыми наша семья всегда была близка. Не знаю, насколько дружеские отношения были у моих родителей с ними, но они не редко бывали у нас, а мы у них. Только вот этого Колю я как-то не припомню. Если у нас семья потомственных дипломатов, Сазоновы – финансисты и глава семьи один из замов министра финансов.

– Николай недавно вернулся из Англии, где сначала учился, а затем долгое время работал, теперь вернулся в Россию, – презентует Колю отец и в свою очередь меня. – Майя пока студентка, но в будущем, безусловно, блестящий дипломат.

– Очень приятно, Майя, – я слышу легкий английский акцент в голосе Николая.

Такое ощущение, что он вполне может говорить без акцента, но видимо считает, что это добавляет ему шарма.

Я киваю и собираюсь уйти, но Николай придерживает меня за локоть. Я машинально дергаюсь, но не настолько грубо, чтобы это выглядело, как невоспитанность.

– Уделите минуточку, Майя, – скалитесь Коля.

– Я оставлю вас, – папа откланивается и отчаливает, как-то особенно выразительно посмотрев на меня.

– Сейчас будет небольшой фуршет для наших высоких гостей, не хотите составить мне компанию? – мурлычет Нико-

лай.

– Были другие планы, и я не голодна.

– Скоро начнутся полеты, будет шумно, не выношу этот шум, да и опасно это.

– Что опасно? – удивляюсь я.

– Самолеты иногда падают и на авиашоу в том числе.

– Вам страшно?

Укол не ускользает от него, я вижу, как сильнее обозначается складка между бровями.

– Нет, но зачем умышленно лезть в ситуацию, которая может быть опасной?

Где-то я подобное слышала. А! Точно – папа с мамой.

– Простите, Николай, но я здесь исключительно ради этого шума, и как вы говорите – опасной ситуации, хотя на самом деле, не считаю ее более опасной, чем идти по любой из улиц города, где всегда есть вероятность, что она голову упадет кирпич.

– Любите самолеты?

– Обожаю.

Николай кривится, но быстро меняет маску на лице на благожелательную.

– Такие увлечения, как правило, проходят.

– С возрастом вы имеете в виду? Ну, мне до тридцати еще далеко.

Я намеренно подчеркиваю нашу разницу в возрасте и уже даже благожелательность слетает с его лица.

– Было приятно познакомиться, – я улыбаюсь во весь рот и направляюсь к выходу, мельком бросая взгляд на отца.

Тот хмурится, и когда к нему подходит Николай и что-то ему говорит, еще и сереет лицом, как бывает, когда что-то идет не по его задумке.

Отцу я дарю еще более широкую улыбку, сверкая жемчужным зубом.

Я, наконец, выхожу на воздух. И несмотря на то, что солнце уже разогрело этот летний день, а от взлетных полос на аэродроме поднимается легкое марево, я вдыхаю с облегчением.

Я ловлю пока еще не так ярко выраженный аромат машинного масла, железа и огня реактивных двигателей. И это лучший аромат, который может подарить мне сегодняшний день.

Улетучивается из головы и Коля-Коля-Николай и отец с его серым лицом. Я гляжу на часы. Демонстрационные полеты вот-вот должны начаться, и я спешу на специально отведенную для vip-зрителей трибуну.

Я устраиваюсь как раз вовремя. По взлетке уже катится Су-57. У меня ёкает сердце, я дергаю за рукав то ли охранника, то ли какого-то администратора, заметив у него в руках бинокль и показывая на него.

Мне без проблем протягивают бинокль. Я гляжу на кабину пилота и отчетливо вижу на шлеме череп в перекрестии снайперского прицела и надпись – Файтер. Тут же перехва-

тывает дыхание, от волнения холодеет в солнечном сплетении. Я ловлю себя на том, что шевелю губами беззвучно произнося: «Удачи».

Из сопел вырывается сине-красное пламя, истребитель на форсаже взмывает ввысь на манер ракеты, одаривая благодарных зрителей характерным свистящим, а как по мне так – поющим, ревом двигателей.

Я смотрю на это зрелище буквально – открыв рот.

Истребитель набирает скорость по горизонтали делает «кобру Пугачева», останавливаясь почти в ноль. У меня замирает сердце. Он несется к земле, взмывает ввысь и дальше следуют одна за одной еще три самые сложные фигуры высшего пилотажа и завершается все «колоколом» с отстрелом тепловых ловушек.

Хоть это и сложные фигуры, и не один Шестов может их выполнять, я знаю точно, что дело здесь не столько в самих фигурах, сколько в технике исполнения. Они следуют одна за другой, это похоже на танец, когда между элементами нет заметно перехода.

Шестов не пилотирует, он танцует в небе и этот танец прекрасен.

От волнения, казалось, скоро выпрыгнет сердце. Когда Шестов отправил самолет в штопор, хоть и было понятно, что это тоже только элемент, у меня все же затряслись руки. «Он слишком долго кружится! Слишком долго! Уже слишком близко к земле. У него может не хватить высоты, чтобы

выйти из штопора!», – несется в голове. Руки дрожат, колени дрожат и ощущение такое, что сейчас у меня волосы дыбом встанут от волнения.

И не я одна уже чуть ли не в панике. Остальные присутствующие тоже нервничают и поглядывают друг на друга, будто в предчувствии катастрофы.

Но вот истребитель выходит из штопора, и я слышу дружный выдох облегчения на трибуне.

Я почти уверена, что Шестова снова ждет выволочка. И не только за последнюю фигуру, за весь его полет. Не было никаких сомнений, что такой красоты танец в небе – танец огня и железа можно было исполнить только если нарушить все инструкции и установленные правила.

Глава 7. Необычная экскурсия

На выходе с трибуны я никак не могу протиснуться через какую-то арабскую делегацию. Мужчины в традиционных мужских белых платьях, кажется, они называются то ли кандура, то ли дишдаша, на головах платки с плетеными кольцами поверх них.

Я плетусь за ними, рядом с арабами идет русский генерал и тут же щебечет переводчик:

– Они просят пригласить летчика, очень уж он их впечатлил, – переводит он генералу.

Все они направляются туда, откуда я еще недавно спешила сбежать, но теперь мне наоборот хочется туда вернуться и глянуть, что будет происходить.

Мысленно благодарю отца за пропуск, благодаря которому могу попасть здесь куда угодно.

Я, наконец, обгоняю их, чуть ли не высекая искры о бетонное покрытие каблуками туфель.

Отца, Николая Сазонова и других я застаю на прежнем месте. Все ждут арабов. И когда те объявляются, вслед за ними появляется Шестов к которому тут же подходит генерал, у которого справлялся о Шестове переводчик.

Генерал что-то бегло объяснил Шестову, тот кивает и оба они подходят к арабам. Я замерла чуть в сторонке. Вижу, что Шестов выглядит уставшим и как будто безразличным.

Словно ему хочется поскорее отыграть какую-то положенную роль и уйти.

Он замечает меня. Наши взгляды пересекаются. Вижу, что он удивлен и явно не рассчитывал меня здесь встретить. У меня перехватывает дыхание, я, как и прежде, под его взглядом не успеваю вовремя схватить за хвост свои эмоции, когда он смотрит на меня. И от того, как дуручка волнуюсь, подрагивают руки и мне приходится сцепить пальцы в замок.

Я каждый раз перед ним будто сдаю какой-то экзамен. Только понять бы, что это за экзамен, что за билет я вытянула и существует ли вообще правильный ответ.

Вижу, что задумка с платьем удалась. Он скользит взглядом по разрезу и дергает уголок губ. Я отвожу взгляд, всем видом стараясь показать, что все заметила, заметила, как он смотрит, но мне не интересно.

Все это длится несколько мгновений. Даже удивительно как сознание успевает зафиксировать все детали. Оно работает сейчас как скоростная репортерская фотокамера. В секунда делаю массу снимков и откладывает их в те уголки памяти, откуда, и я это уже знаю, я буду их доставать спустя время и тщательно рассматривать.

Шестов подходит к арабам. Один из них, видимо, самый важный широко улыбается, тянет руку. Шестов тянет свою в ответ. Тараторит переводчик:

– Он восхищен мастерством русского летчика, хочет сделать ему подарок. Господин премьер-министр большой лю-

битель авиации и понимает, какой уровень продемонстрировал господин Шестов.

«Ого! – думаю я, – целый премьер-министр».

Араб снимает с руки часы и протягивает Шестову. Тот принимает, снимает с руки свои старенькие и надевает подаренные. Я даже со своего места вижу блеск бриллиантов на этих часах и отмечаю про себя, что старые часы на руке Шестова смотрелись гармонично в отличии от этого сверкающего великолепия.

«Ну, ты, Майя выдала в тот вечер ему про часы, а это мгновенная карма называется. Уж не сомневайся, он найдет возможность макнуть тебя теперь во что-нибудь неприятное», – я с досады закусила губу.

Они говорят о чем-то еще, но я больше не прислушиваюсь к переводчику. Вижу только как араб показывает рукой Шестову что-то руками, будто имитируя полет самолета. Шестов с улыбкой в свою очередь, тоже изображает что-то руками. И в какой-то момент, он смотрит на меня, убеждается, что я смотрю на него, поднимает руку и самодовольно потряхивает часами.

Все мне понятно в этом жесте. Я закатываю глаза и качаю головой. Шестов лыбится как ребенок, который в песочнице поотрывал кукле какой-то девочки руки и ноги.

Я выхожу на улицу, чтобы не видеть его самодовольную физиономию, и, конечно, в этот момент арабы теряют интерес к летчику, и он выходит вслед за мной.

По-другому и быть не могло. Как мы встретились с ним в небе, так теперь я, по всей видимости, под небом с ним тебе все время буду пересекаться.

– Ну, что, барышня, как вам теперь мои часы? – начал Шестов с места в карьер.

– Вам не идут.

– Здесь вы правы, – Шестов снял часы, подаренные арабом, и надел свои старенькие. – Эти мне отец подарил. Тоже летчик.

Я хотела было подколоть его, но прикусила язык. Что-то мне подсказывало, что там какая-нибудь семейная драма может быть.

– Мы с вами так и не познакомились.

Шестов сегодня сама любезность. Мне бы в пору насто-рожить, но я как-то устала уже растопыривать дикобразы иголки каждый раз при его появлении.

– Майя.

– Андрей.

Я протягиваю руку, он аккуратно берет за пальцы и будто невзначай совсем мимолетно гладит большим пальцем.

Я тут же вспыхиваю и чувствую, как краснеют щеки. Он и сам смотрит удивленно, будто не ожидал от себя такого и смущен не меньше меня.

Ох уж эта неловкость. Ох уж это внезапное напряжение между людьми, которое внезапно в какой-то момент сгущается до такой степени, что его можно слово сливочное масло

мазать не хлеб.

И смотрят стоят двое друг на друга и, вроде бы, все понимают, а что именно понимают ни черта не понимают. Сердца колотятся, дыхание учащается и любые представления друг о друге, которые выстраивались какое-то время вообще не имеют ничего общего с реальностью.

Вот мог бы мне кто сейчас объяснить, если вот так – положив руку на сердце. Мне Шестов нравится? Безусловно, с первой секунды, как увидела понравился. Приятен ли мне Шестов? Ни в коем случае! Он заносчив, он надменен, он слишком много о себе думает. Он был груб со мной, он оскорбил меня, какая уж тут приязнь?

Но тогда почему у меня вспыхнули щеки? Почему я никак не могу унять внутреннюю дрожь? Почему мне хочется напустить во взгляд тумана, чтобы в этом тумане было больше смысла, чем в любых сказанных словах? Я, если разобраться – терпеть его не могу. Да и он, не оставил никаких сомнений, что думает на мой счет.

«Но, может у него как у меня? – проскакивает дурная мысль, – на уме одно, только этот ум будто в вакууме и никак больше не связан ни с душой, ни с сердцем, которые затеяли какую-то свою игру и объяснять, что это за игра не собираются».

Пауза слишком затянулась. Шестов будто онемел, и я решаюсь первой нарушить это нелепое молчание:

– Я видела твой полет, – непонятно почему я перехожу на

«ТЫ», но не поправляю себя.

– И как тебе, – Шестов тоже поддерживает переход на «ТЫ».

– Впечатляет.

– Но?

– Слишком рискованно, ты явно специально усложнял пилотажа, совсем по грани прошелся.

Он сдвигает брови, хмурится, будто готовится к тому, что я буду сейчас его критиковать.

– Но оно того стоило, – добавляю я и поражаюсь тому насколько он преображается.

Ощущение такое, что среди беспросветной ночи внезапно воссияла путеводная звезда.

Я такую непринужденную радость, наверное, только у детей видела. Когда им дарят именно тот подарок, который они себе загадывали.

«Ого как легко оказывается тебя можно обрадовать. Так у нас тут, что получается – «тщеславие мой самый любимый грех»?», – думаю я про себя.

– Не думал, что это кто-то заметит, – отвечает он и будто немного задумывается.

– Все, кому надо заметили, думаю ты еще получишь свою выволочку.

– О! В этом я даже не сомневаюсь. Но это зависит.

– От чего?

– От суммы подписанного с арабами контракта. Может и

обойдется. Еще и премию дадут, – в его глазах мелькнул огонек лукавства, будто он собрался выкинуть какую-то загогулину. – Я тут подумал, ты же у нас любительница часов, держи. Дарю.

Он вытаскивает из кармана часы араба и протягивает мне.

– Себе оставь, – я складываю руки на груди.

– Ты говоришь мне не идет, понимаю, как корове седло. Я человек простой, от блеска бриллиантов тут же слепну, а вот ты другое дело?

– Что ты имеешь в виду?

– Да ладно не кобенься, лучшие друзья девушек бриллианты же.

– Да, что ты несешь? – не выдерживаю я.

Я совсем сбита с толку. Что у него за биполярочка? То сама милота, то дичь какую-то исполняет. Ощущение такое, что он сам себе простить не может, что был только что похож на нормального человека и срочно хочет реабилитироваться в моих глазах, нацепив эту маску засранца.

– Майя, вот ты где, – слышу я голос отца, выходящего из дверей, – я тебя обыскался. У Николая к тебе дело есть.

Вслед за отцом появляется Николай. Вот как раз его то сейчас и не хватало. Шестов прячет свои проклятые часы в карман, а я уже десять раз пожалела, что подколола его в тот раз.

Николай смотрит на меня, смотрит на Шестова. Тот смеется взглядом и Николая, и отца, ухмыляется и отходит в

сторону.

– Николай завтра в Лондон отправляется, у него интересный проект намечается, думаю тебе тоже будет интересно, что думаешь?

– Думаю, что хотела на самолеты посмотреть, вот лейтенанта Шестова хочу попросить быть моим гидом.

Шестов смотрит на меня с удивлением.

– Чего там смотреть, железо оно и есть железо, – вставляет свое веское слово Николай.

– И то верно, – поддерживает его отец, и я смотрю на него с недоумением.

«С каких это пор он так неприкрыто льстит?», – спрашиваю я сама себя.

За отцом такого никогда не водилось. Выглядит это так, будто он этому Коле что-то должен.

– Конечно, Майя...

– Александровна, – помогаю я Шестову.

– Конечно, Майя Александровна, на какую машину хотите взглянуть в первую очередь? – спрашивает Шестов.

– На Су-57, конечно, – я смотрю на него с благодарностью и хочу только одного сейчас – чтобы он поскорее увел меня отсюда.

Что-то не так с отцом, что-то не так с этим Коленькой, вся эта ситуация пахнет чем-то лживым и сдобренным какими-то шкурными интересами. И все это еще до кучи непосредственно касается меня.

Мне на физическом уровне становится противно. И я благодарно Шестову за то, что он умудрился уловить это мое состояние и вошел в положение.

Коля натужно лыбится. Отец тоже не находит, что возражать. Шестов сегодня звезда программы и, видимо, им не с руки перед ним сейчас давить на меня.

– Спасибо, – бросаю я Шестову на ходу, пока мы идем через уже набившуюся на аэродром толпу. Визжат довольные дети, их папаши задирают головы с восторгом рассматривая величественных железных птиц.

– Что, девочку берут в оборот?

– Тебе-то, что за дело?

– Да мне никакого, смешные вы.

– Кто мы?

– Ты, твой папаня и Коля этот, – ухмыляется Шестов.

Я продираюсь через зевак столпившихся посмотреть на стратегический бомбардировщик. Кто-то больно наступает мне на ногу.

– Осторожно! – шиплю я и спрашиваю уже у Шестова, – и чего смешного?

– Такие важные, будто вокруг вас земной шар вертится.

И я не могу не согласиться с ним. Иногда, я и сама так думаю. Вот только бесит, что и меня он обобщает. А что он про меня знает, чтобы делать скоропалительные выводы?

– Давай сюда, – показывает Шестов на ангар.

– Что там?

– Ты же хотела на Су-57 глянуть. Так пойдем.

– Нельзя же наверное? – упираюсь я, соображая, что, если самолет не выставили на всеобщее обозрение, значит и в ангар не стоит соваться.

– Мне можно.

«Ну, в этом я не сомневаюсь, – думаю я, – ты же у нас звезда, тебе все можно».

Мы ныряем в ангар, Шестов запирает дверь, а я замираю тут же на пороге, пораженная красотой самолета. Так близко я его еще никогда не видела.

– Хочешь в кабину?

– Так, вот за это точно влетит всем, тебе в первую очередь!

– Да ладно, не психуй, хочешь или нет? – в его глазах я вижу вызов, словно он берет меня на слабо.

– Хочу конечно, – говорю я почему-то шепотом, будто нас может кто-то услышать, а у самой замирает сердце и от страха, и от восторга.

Шестов подкатывает лестницу – трап, поднимается, открывает фонарь кабины и машет мне.

Я оглядываюсь, словно собираюсь что-то украсть, но все же решаюсь и забираюсь по лестнице.

Здесь наверху вдвоем мы не помещаемся. Он спускается чуть ниже и придерживая меня за талию, отчего у меня тут же учащается дыхание, и по спине разбегаются мурашки. Я карабкаюсь в кабину, представляя какой замечательный вид на мою заднюю часть в этом платье открывается Шестову.

К счастью, я не слышу от него усмешек или какого-нибудь ехидного замечания на этот счет и, наконец, оказываюсь в кабине пилота.

— Это что-то невероятное, — я с опаской касаюсь штурвала, словно боюсь, что он ударит меня током.

Я смотрю на Шестова и замечаю, что он смотрит куда как ниже, чем мои глаза. Смотрю на свои ноги и вижу, что не заметила, как задралось платье. Еще и разрез! Ноги полностью оголены чуть ли не до самых трусиков.

Я одергиваю платье, Шестов глазеет в наглую слегка приподняв бровь.

В этот момент мы оба слышим, как кто-то пытается открыть дверь в ангар. Дальше все происходит стремительно. Я вскакиваю с места, карабкаюсь из кабины. Уже не обращая внимания, что там у меня оголено и как все, наверное, прекрасно смотрится.

Я за что-то цепляюсь этим проклятым платьем и слышу характерный треск ткани. Шестов подхватывает меня, тянет к себе, от платья отрывается приличный кусок и остается в кабине. Мы оба чуть не летим вниз головой с этого чертового трапа, но каким-то чудом Шестов удерживает и меня, и себя.

Наконец, мы на земле. Он хватает меня за руку и тащит в сторону. Здесь какие-то ящики, накрытые плотным брезентом. Мы ныряем под этот брезент.

Я в ужасе. Сердце колотится как бешенное. Сама чувствую, что от страха глаза мои размером с чайное блюдце.

Шестов же едва сдерживает смех, глядя на меня. Мы с ним как нашкодившие дети, только один в ужасе от возможного наказания – это я, а другой не только не боится, но уже подумывает, чтобы еще такого выкинуть.

Мы слышим голоса в ангаре. Но вскоре я слышу, как люди уходят и лязгает дверь.

Только сейчас я замечаю, что всем телом прижимаюсь к Шестову, а он обнимает меня за плечи.

Кажется, и он в одно мгновение со мной осознает то же самое.

Я пытаюсь отстраниться. Он смотрит на мои ноги. Я машинально крепче сжимаю бедра. Он смотрит на меня как замороженный, и я не могу отвести взгляд.

Его губы все ближе.

Я чувствую его горячее дыхание и неосознанно облизываю губы.

Все внутри меня замирает, но в любой момент я готова взорваться.

Шестов смотрит на мою вздымающуюся грудь. Я чувствую его руку на колене.

Он ведет рукой выше по внутренней стороне бедра. Ведет медленно слегка раздвигая мне ноги и наблюдает за моей реакцией.

Из моих губ вырывается стон и в тот же момент я упираюсь руками ему в грудь.

– Андрей! – вырывается у меня то ли выдох, то ли стон.

Он затыкает мой рот своими губами. Я чувствую, как между ног становится мокро и отвечаю на его поцелуй.

Он отрывается от моих губ, целует в шею, его рука доходит до трусиков. Шестов сдвигает их и проводит пальцем между влажных губ, останавливаясь на клиторе.

Я выгибаю спину, не в силах справиться с возбуждением. В голове несется: «Боже, что он делает? Что я делаю? Что мы делаем?».

Он аккуратно массирует клитор, я стискиваю зубы, чтобы не застонать на весь ангар. Другой рукой Шестов берет мою руку и кладет себе между ног. Я тут же начинаю расстегивать ремень его штанов.

Тело горит, в голове полный кавардак, круговыми движениями он ласкает клитор все быстрее и я, уже не стесняясь себя шире раздвигаю ноги. Все мысли оставили меня. Мне уже все равно, где мы, я только жду продолжения. Расстегиваю ему ширинку и берусь за крепкий член.

Шестов вставляет в меня два пальца, проталкивает глубже и сдержаться я уже не могу. Из меня вырывается громкий стон.

Шестов не останавливается. Его пальцы во мне двигаются все быстрее, пока я совсем не теряю голову и раздвигаю ноги так широко, как только могу. В свою очередь я не обделяю вниманием его член, работая рукой.

Он заваливает меня на пол и стягивает трусики.

Я помогаю ему приподнимая бедра. Шестов, подхватыва-

ет меня под колени, подтягивает к себе, перехватывает за талию. Сам он стоит на коленях, приподнимает мои бедра, крепко держит под поясницу и буквально натягивает меня на член.

Сдерживать стоны я уже не могу и не собираюсь. Шестов двигается все быстрее, и моими сдавленные крики наполняют ангар.

Шестов резко выходит из меня. И переворачивает на живот. Я встаю на колени и на локти, выгибая спину и раздвигаю ноги. Он наматывает мои волосы на кулак.

– Да! – вырывается у меня.

Он слегка тянет меня за волосы и входит одновременно. В этой позе он заполняет меня полностью, удивляя своими размерами.

Сейчас я чувствую себя развратной и грязной. И мне нравится это. Я хочу, чтобы он не останавливался, мне уже все равно войдет кто-то в ангар или нет. Мир перестал существовать – остались только мы вдвоем.

Шестов, словно почувствовав это мое желание и состояние, чуть ли не вколачивает в меня член.

Я вся отдаюсь этой страсти и возбуждению. Кричу так, что, наверное, слышно уже и за пределами ангара. Он двигается все быстрее, все так же держа меня за волосы.

Я запускаю руку между ног, помогаю себе массируя клитор и уже через мгновение взрываюсь таким ярким оргазмом, что он отпускает мои волосы и я, сотрясаясь всем телом

ложусь на живот.

И только по моему телу прокатывает последняя волна оргазма, он переворачивает меня на спину, наваливается сверху, одновременно снова входя в меня.

Я обвиваю ногами его спину. Он впивается поцелуем в мои губы. Сильно сжимает грудь. Я срываю с плеч лямки платья. Засовываю язык ему в рот. Одной рукой он упирается в пол, чтобы не раздавить меня своим мощным телом, другой слегка сжимает сосок.

Я кричу, но не хочу, чтобы он останавливался.

Шестов снова набирает темп, и я чувствую, как подступает вторая волна оргазма. Изнывая, я выгибаюсь под ним. Я сгибаю ноги подтягивая колени выше, он упирается обеими руками в пол так, чтобы мои ноги оказались задранными, и я не могла их больше опустить из-за его рук.

Шестов буквально вколачивает в меня член. Я схожу с ума от его напора, от этого бешенного, какого-то первобытного секса.

Я смотрю ему глаза, он смотрит на меня. Мне нравится, что он не стонет, вместо стонов из него вырывается глухое, едва слышное рычание. Зато моих стонов хватает на двоих.

Я чувствую, как по его телу пробегает дрожь. Он крепко стискивает зубы, ноздри раздуваются и Шестов окончательно превращается в бешеного зверя.

Он резко вскакивает и тянет меня за руку. Я понимаю, чего он хочет, встаю на колени и открываю рот. Шестов очень

бы удивился сейчас, если бы знал, что так я делаю впервые. Никогда даже желания такого не возникало, но сейчас я не просто этого хочу, я изнываю от желания почувствовать его вкус. Я окончательно сошла с ума!

Я беру его член в рот, он кладет мне руку на затылок и задает темп. Я чувствую, как он пульсирует у меня во рту, и сама улетаю черте знает куда от этого ощущения. Я запускаю руку себе между ног, приближая себя к оргазму.

Я слышу, как шумно он дышит и сама двигаюсь все быстрее. Смотрю на него снизу вверх, наши взгляды пересекаются, и меня сотрясает мощная волна оргазма. Шестов взрывается вместе со мной. Я жадно сглатываю и без сил заваливаюсь на пол.

Я никак не могу отдышаться. Шестов ложится рядом. Его грудь вздымается, он и сам не может перевести дыхание.

И в этом ангаре под чертовым брезентом, мы как двое насытившихся друг другом животных, пропитанные запахом секса и какой-то совсем сумасшедшей страсти пытаемся, наконец, прийти в себя.

Мы не прикасаемся друг к другу. Не говорим, не смотрим друг на друга. Будто и он и я получили что-то большее, чем просто секс.

Неважно, что по этому поводу думал разум. Свое взяла молодость, свое взяла первозданная сила, которой невозможно сопротивляться, чтобы он или я о себе там не думали.

Не знаю, чувствовал ли это Шестов, но со мной такое было

впервые. Это вообще был второй секс в моей жизни. А если учитывать, насколько нелепым был мой первый раз, так еще нужно разобраться, что вообще считать первым сексом.

И я лежала вся растерзанная и только диву давалась на что оказалась способна и чего на самом деле жаждало мое тело.

Мне бы и в голову никогда не пришло, что я вот так могу отдаться мужчине. Я было задумалась откуда это во мне вдруг взялось все это, но ответ был на поверхности – такова природа истинной страсти.

Когда она захватывает по-настоящему и полностью, тело все делает само. Сознание уступает место подсознанию и уже неважно каков предыдущий опыт. Неважно, что знаешь и умеешь. Бал правит базовый человеческий инстинкт. И от того, только людям в сексе бывает нужно что-то изобретать, потому что не встречается человек, с которым этот базовый инстинкт берет вверх над всем, что есть в человеке.

– Обалдеть какая ты, – слышу я голос Шестова.

– Какая?

– Дикая.

– Ты тоже хорош.

– Я знаю.

– Ну, и сомнение, Шестов, даже сейчас, нашел время я поражаюсь тебе!

Он не успевает ничего сказать, грохочет дверь в ангар, и я в панике ползу по полу в поисках своих трусов.

Шестов прыскает от смеха, глядя как я ползаю на карач-

ках с задраннным платьем и голым задом.

– Чего ты ржешь?! – шиплю я на него.

Он натягивает штаны и застегивает ремень.

Дверь открывается, и мы оба замираем. Я слышу голоса и, кажется, у меня волосы встают дыбом. Голос отца и, вроде бы, Николая.

– Черт! Это катастрофа!

– Сиди тихо, – командует Шестов, – пересидим.

Я чуть отодвигаю брезент. И правда отец.

– Сказала, что истребительно пойдет смотреть, понятия не имею, куда она делась, – говорит отец и пожимает плечами.

Николая подходит к самолету, оглядывается.

– Надо было трап убрать, – сокрушается Шестов.

Николай поднимается по трапу, заглядывает в кабину, что там осматривает и спускается обратно, показывает что-то отцу.

У меня замирает сердце. Оторванный кусок от моего платья.

– Ну, по крайней мере, она здесь была, – ухмыляется Николай.

«Пока ничего страшного, – думаю я, – ну была я там, ну залезла в кабину, зацепилась платьем, бывает».

– Слушай, Шестов, нужно как-то выбираться отсюда, – шепчу я.

– Боишься, что папочка тебя с мужиком поймает? – ух-

мыляется Шестов, – а вроде бы взрослая девочка.

Он мечтательно прикрывает глаза, будто что-то вспоминая и добавляет:

– Даже очень взрослая!

– Шестов, ну, заткнись, пожалуйста, не до тебя сейчас, – шиплю я на него. – Ты посмотри на меня. Какой папочка сейчас может быть?

Шестов внимательно смотрит на меня. И понятно, что он видит: волосы, будто у меня на голове снаряд взорвался, платье, да что там платье! Не платье это уже, тряпка какая-то измятая и порванная. Сижу здесь на полу без трусов еще до кучи, как последняя... я даже не знаю какое слово подобрать, а если знаю, то подбирать не хочу. Глаза бешеные, помада размазана, тушь потекла. Чудище!

Его насмешливый взгляд преобразается. Я вижу, как и без того расширенные зрачки его стальных глаз расширяются еще больше.

Он нежно проводит рукой мне по щеке:

– Ты великолепно выглядишь.

Он проводит рукой по шее, спускается до груди и сжимает.

– Шестов! – я едва не вскрикнула и смахнула его руку. – Совсем рехнулся! – злобно шепчу я.

Я слышу, как голоса удаляются. Открывается и закрывается дверь. Мы выбираемся из-под брезента, и как партизаны на цыпочках подбегаем к двери. Я высовываю нос нару-

жу. Отец с Николаем идут прочь и вскоре смешиваются с зеваками.

– Ушли, где твоя машина, – спрашиваю я Шестова.

– Сразу направо и метров сто за ангар.

Мы выходим, и чтобы не привлекать внимания спокойно идем туда, куда сказал Шестов. Я надеюсь только, что даже если меня заметят с расстояния не смогут оценить в каком плачевном состоянии я нахожусь.

К машине мы добираемся без приключений. Я прыгаю на заднее сиденье, здесь тонированные боковые стекла и мне как-то спокойней, что меня не видно снаружи.

Шестов заводит двигатель и выруливает со стоянки.

Мы проезжаем мимо ангара, и я вижу, что к нему возвращается Николай Сазонов. Один, без отца.

«Ну, чего тебе там надо, гад!», – сокрушаюсь я мысленно.

Он открывает дверь в ангар, мы сворачиваем, и я теряю его из вида.

– Ну, как тебе экскурсия? – подначивает меня Шестов.

– Очень необычная, знаешь, – отвечаю я, а в голове мысли сейчас совсем о другом.

«Боже, Майя! Дура! Запомни! Никогда, нигде и не при каких обстоятельствах не теряй голову, а тем более, черт тебя задери – трусы!», – обрушиваюсь я на себя.

Глава 8. Неизбывная вина

Шестов остановил машину у дома Майи и присвистнул от удивления, дивясь монументальной домине, где, как оказалось живет Майя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.